

КРИМИНАЛИСТИКА

С. А. Величкин

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИКИ*

В статье рассматриваются актуальные методологические проблемы криминалистики, принципиальные вопросы взаимоотношения криминалистики с юридическими и не юридическими науками, начиная с момента зарождения криминалистики до наших дней. Раскрывается специальная роль криминалистики в уголовном судопроизводстве как прикладной юридической науки.

Ключевые слова: Объектная область криминалистического исследования, предмет криминалистики, система криминалистики, взаимосвязь криминалистики с правовыми и специальными науками, формирование криминалистических знаний в России и в западных странах, механизм преступления, творческое приспособление криминалистикой данных других наук, криминалистическое понятие способа совершения преступления, уголовно-процессуальная деятельность, криминалистическая деятельность, состязательность и равноправие сторон, всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела, криминалистика защиты и криминалистика обвинения.

Velichkin Sergey A.

SCIENTIFIC FOUNDATION OF CRIMINALISTICS

The article examines urgent methodological problems of criminalistics, essential issues of interrelations between criminalistics and legal and non-legal sciences from the moment of the origin of criminalistic till present time. The author reveals a special role of criminalistics in criminal proceedings as an applied legal science.

Keywords: Object sphere of criminalistical research, subject of criminalistics, system of criminalistics, interrelations between criminalistics and legal and special sciences, formation of criminalistical knowledge in Russia and in foreign countries, mechanism of crime, creative adaptation of data from other sciences by criminalistics, criminalistical notion of the method of committing crimes, criminal and procedural activity, criminalistical activity, adversary system and equality of participants, comprehensive, full and objective examination of circumstances of a criminal case, criminalistics of defense and criminalistics of prosecution.

Когда говорится о криминалистике как о прикладной юридической науке, разрабатывающей научно-технические средства и методы, тактические приемы

Величкин Сергей Александрович — кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; velichkin.s@bk.ru

Velichkin Sergey Aleksandrovich – candidate of legal sciences, associate professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; velichkin.s@bk.ru

* Начало статьи см.: Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 14. Вып. 3. С. 65–99.

и методические рекомендации, то этим самым не только охватывается самая суть криминалистики, но и подчеркивается особая, исключительно криминалистическая сфера интересов, не распространяющихся на область других отраслей знаний. Синтезирующий опыт знаний (научный, эмпирический) основан на исследовании методов естественных, технических и гуманитарных наук и практики расследования преступлений и применяется с познавательной целью (именно практики расследования преступлений, а не практики преступной деятельности). При этом познавательная цель криминалистики не может определяться такими уголовно-процессуальными понятиями, как «раскрытие преступлений» и «расследование преступлений», которые при характеристике юридических наук не являются для криминалистики специфичными.

Необходимо отметить, что высказанное в специальной литературе предложение о разработке криминалистикой методов и приемов, не ограничивающихся рамками регулируемого уголовно-процессуальным законом расследования преступлений,¹ также обусловлено характеристикой криминалистики как науки не только о расследовании, но и о раскрытии преступлений, поскольку понятие «раскрытие преступлений» является оперативно-розыскным. Ранее уже было сказано, что акцентирование внимания на исследовании особенностей применения различных методов и приемов, вытекающих из специфики непроцессуальной сферы деятельности правоохранительных органов, — это прерогатива таких дисциплин, как ОРД.² Понятия «расследование преступлений» и «раскрытие преступлений», используемые в процессуальной и непроцессуальной сферах деятельности, различаются по смыслу. «Расследование преступлений» — это процесс, деятельность определенных лиц, в то время как «раскрытие преступлений» — характеристика процесса, деятельности, их результат. Стремление ряда ученых ограничить рамки раскрытия преступления выяснением какой-то части данных и обстоятельств, связанных с преступлением, объясняется желанием заострить внимание на наиболее существенных моментах расследования. Для процессуалистов это вынесение различного рода определений, постановлений и решений, существенно меняющих процессуальное положение лица, подозреваемого в совершении преступления, а для оперативных работников, как правило, получение информации о вероятном совершении преступления тем или иным лицом. Если говорить о раскрытии преступления в стадии предварительного расследования, то под таковым следует понимать установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, успешное завершение следствия, его результат. Когда говорят о раскрытии преступления в непроцессуальной сфере деятельности, то имеется в виду положительная оценка ее результатов, создающая условия для

¹ См., напр.: *Танасевич В. Г.* О предмете советской криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 24. М., 1976. С. 108–129; *Бердичевский Ф. Ю.* О предмете и понятийном аппарате криминалистики // Там же. С. 139–141; и др.

² Сказанное в полной мере относится и к точке зрения, согласно которой «потребность криминалистики в современных научно-технических достижениях... не может быть сегодня удовлетворена без инженерно-конструкторских и иных неюридических разработок». Тем более неюридические разработки не могут быть «причиной возникновения новой тенденции к пересмотру сформировавшегося представления о природе криминалистики и оценке ее как интегральной науки, основанной на синтезе научных знаний» (см.: *Эксархопуло А. А.* Криминалистика. СПб., 2009. С. 42). Эта точка зрения своим возникновением обязана Р. С. Белкину (см.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 164–170).

дальнейшего проведения расследования. Однако не все то, что раскрыто для одного вида деятельности, является таковым для другого. У каждого вида деятельности свои цели и средства их достижения.

Таким образом, наличие понятия «раскрытие преступлений» в процессуальной деятельности и употребление его рядом авторов для обозначения неких общих целей криминалистики не подтверждает мнение о выведении криминалистики за рамки уголовно-процессуального расследования преступлений, а, скорее, указывает на двойственный характер данного термина, охватывающего уголовно-процессуальную и не процессуальную деятельность по борьбе с преступностью. В связи с этим уместно привести слова Г. М. Миньковского и А. Р. Ратинова, которые отмечают, что «некоторыми криминалистами выдвинута точка зрения о существовании неких “криминалистических общественных отношений” (куда включаются, в частности, отношения, связанные с раскрытием преступлений)... В данном случае речь может идти об отношениях, имеющих место в административно-правовой (розыскные действия) и уголовно-процессуальной (доказывание) сферах регулирования. Эта точка зрения может привести к отрыву криминалистических методов, средств, приемов от правовой деятельности, в то время как они являются ее аспектом».³

Представляется, что предлагаемый в исследовании подход в понимании объектно-предметной области криминалистики выделяет криминалистику из всех других наук уголовно-правового цикла, устраняет существующие расхождения при определении юридическими науками предмета исследования. Объединяющим же является правовая сфера применения аккумулированных в этих науках знаний. Она и создает видимость общности объекта и предмета познания указанных наук.

Правовая сфера применения средств, методов и приемов криминалистики обусловлена тесной связью криминалистики с уголовно-процессуальным правом, направленностью на выполнение предписаний уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Криминалистические положения при этом являются составной частью уголовно-процессуальной деятельности по расследованию преступлений и формируются с учетом требований уголовно-процессуального права. *Это является достаточным основанием для признания отечественной криминалистики самостоятельной прикладной специальной юридической наукой.* Понимание криминалистики как юридической науки позволяет правильно определить ее роль и место в системе правовых наук, повысить доказательственное значение результатов применения криминалистических средств, методов и приемов. А. Н. Васильев справедливо заметил: «Из понимания криминалистики как юридической науки – прикладной по отношению к фундаментальной науке уголовно-процессуального права — вытекает важный вывод принципиального значения об обязательности для нее принципов советского уголовного процесса, относящихся к расследованию преступлений, и в частности строгого соблюдения законности, объективности, полноты исследования, всесторонности и быстроты расследования».⁴

Напоминать об этом в данной работе приходится в связи с тем, что признание криминалистики юридической наукой в представлении ряда криминалистов было воспринято как возможность расширения предмета ее исследования за счет других

³ Миньковский Г. М., Ратинов А. Р. О предмете криминалистики и ее соотношении с другими отраслями научного знания // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 30. М., 1979. С. 144–145.

⁴ Криминалистика / под ред. А. Н. Васильева. М., 1980. С. 12.

правовых наук и, в первую очередь, уголовного, уголовно-процессуального права и криминологии. Так, в 1966 г. появилось мнение А. А. Эйсмана о том, что питательной средой для криминалистики являются в основном следственная, судебная и экспертная практика.⁵ Подобное мнение, представляется, было обусловлено тем, что использование специальных знаний проявлялось при расследовании преступлений в виде практического опыта следователя, эксперта, специалиста, судьи, что и создавало впечатление юридической природы происхождения этих знаний. Предмет криминалистики, по мнению Р. С. Белкина, образует доказательственное право,⁶ а природа тактических приемов согласно этой позиции приобретает нормативное содержание. Такое развитие событий, видимо, прогнозировалось представителями уголовно-процессуального права, которые возражали против признания криминалистики юридической наукой, по-прежнему считая ее чисто технической дисциплиной, вспомогательной к уголовному процессу.⁷

Определение криминалистики как юридической науки связано с уяснением ее природы. «Ответ на вопрос о природе криминалистики, — пишет А. Н. Васильев, — сложен и не однозначен. С одной стороны, надо учесть, что по своему происхождению и природе она в основном состоит из комплекса данных специальных наук, главным образом естественных и технических. С другой стороны, следует принять во внимание, что криминалистика непосредственно служит точному и эффективно осуществлению уголовно-процессуального закона и органически входит в уголовно-процессуальную деятельность по расследованию, являясь фактически ее необходимым элементом».⁸

Если рассматривать криминалистику с позиции М. С. Строговича, которая в окончательном варианте его видения этой науки состоит из двух самостоятельных дисциплин и представляет, с одной стороны, «уголовно-процессуальную дисциплину, продолжение или специальный курс уголовного процесса», а с другой стороны, научно-техническую дисциплину,⁹ что соответствует прогрессивным для начала XX в. воззрениям Р. А. Рейсса и С. Н. Трегубова, то можно согласиться с тем, что ее предмет действительно образует доказательственное право. Однако такой взгляд на отечественную криминалистику не соответствует современным представлениям о ней как о самостоятельной науке, разделяемой в том числе и сторонниками широкого представления о ее предмете. Как сам такой подход в понимании природы криминалистики, так и вытекающее из него представление об объектно-предметной области криминалистики не только не является прогрессивной вехой в развитии учения о предмете криминалистики, как это понимают сторонники расширенного о нем представления, но и является шагом назад, так как не выводит криминалистику на иной качественный уровень, позволяющий строить иные, соответствующие объективному положению вещей отношения криминалистики с правовыми науками. Так, по мнению А. А. Эксархопуло, главным «аргументом в пользу признания

⁵ *Теория доказательств в советском уголовном процессе*. Часть Общая / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1966. С. 31.

⁶ *Теория доказательств в советском уголовном процессе* / под ред. Н. В. Жогина. 2-е изд. М., 1973. С. 29–31.

⁷ *Строгович М. С. Предмет криминалистики и ее соотношение с уголовным процессом* // Труды Военно-юридической академии. 1942. С. 8.

⁸ *Васильев А. Н. Следственная тактика*. М., 1976. С. 24–25.

⁹ *Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса*. М., 1968. С. 102.

юридической природы криминалистики явилось справедливое утверждение, что вся деятельность правоохранительных и правоприменительных органов с использованием криминалистических рекомендаций, приемов, методов и средств осуществляется в определенных законом рамках, а следовательно, носит правовой характер».¹⁰ Однако вся деятельность названных органов отечественной криминалистикой не охватывается. Она обеспечивает научными средствами, методами и приемами эффективность уголовно-процессуального расследования конкретных преступлений.

Позиция о двойственной природе криминалистики свидетельствует о недооценке роли и значения одной из важнейших функций криминалистики — творческом характере приспособления методов специальных наук для решения задач судопроизводства, когда методы одних специальных наук (физики, химии, биологии и др.), образующие криминалистическую технику, не являются правовыми (техническая наука), а методы других специальных наук (логики, психологии, НОТ и др.), составляющие криминалистическую тактику и методику расследования отдельных видов преступлений, образуют юридическую науку о расследовании преступлений.¹¹

В связи с этим сложно понять логику рассуждений А. А. Эсархопуло, который, обосновывая юридическую природу криминалистических средств, методов и приемов процитированным выше образом, как недостаток отмечает тот факт, что при этом «во многом неюридический характер разработочной функции криминалистики, прежде всего криминалистической техники, во внимание не принимался», в то время как потребность криминалистики «не может быть сегодня удовлетворена без инженерно-конструкторских и иных неюридических разработок», что, по его мнению, явилось «причиной возникновения новой тенденции к пересмотру сформировавшегося представления о природе криминалистики и оценке ее как интегральной науки, основанной на синтезе научных знаний».¹²

У юридической науки, к которой автор, несомненно, относит криминалистику, не может быть неюридической разработочной функции, так как методы всех специальных наук, в том числе и образующих криминалистическую технику, творчески приспособляются криминалистикой в соответствии с требованиями уголовно-процессуального права для решения юридических задач в процессе расследования преступлений. Признание такой функции у криминалистики автоматически возвращает ее к временам, когда она считалась технической дисциплиной, средства и методы которой могут быть использованы в процессе любой неюридической деятельности. Тем более если неюридические разработки криминалистики являются причиной возникновения новой тенденции к пересмотру сформировавшегося представления о природе криминалистики, то как можно считать ее юридической наукой? «Между тем синтетический характер криминалистических знаний не следует рассматривать, по мнению автора (и тут с ним нужно согласиться. — С. В.), как основание для изменения места криминалистики в системе наук — она должна оставаться в классификационном ряду наук юридического цикла».¹³

¹⁰ Эсархопуло А. А. Криминалистика. С. 42.

¹¹ См., напр.: Выдря М. М., Любарский М. Г. Место криминалистики в системе юридических наук // Вопросы советской криминалистики. Алма-Ата, 1959. С. 35.

¹² Там же. С. 42.

¹³ Там же.

Дело в том, что синтетический¹⁴ характер научных знаний был присущ криминалистике всегда. Но отнесение методов разных наук к криминалистике в период ее зарождения и формирования в Европе и России в силу объективных причин не всегда было научно обоснованно, что и создавало впечатление комплексности знаний, некоего руководства по расследованию, в то время как криминалистика — и тут можно согласиться с Р. С. Белкиным — «является наукой не комплексной (поскольку это предполагает объединение отдельных знаний без их слияния), а синтетической природы».¹⁵ Это синтетическое соединение методов разных специальных наук в криминалистике происходит в силу их творческой переработки (приспособления, а в некоторых случаях преобразования), говоря языком Р. С. Белкина — «сплава этих знаний»¹⁶ под задачи уголовно-процессуального права в части расследования преступлений. Юридическую сущность криминалистическим средствам, методам и приемам придает не то обстоятельство, что они разработаны на правовых нормах (если бы такое было возможно, то не нужно бы было создавать криминалистику), а их «юридическая окраска», т. е. направленность на достижение целей уголовного судопроизводства. Неюридические разработки характеризуют сущность¹⁷ уже какой-нибудь другой синтетической науки, но не криминалистики. «Во всех случаях криминалистическими могут стать новые научные средства, методы и приемы при условии, если их применение носит не случайный характер, а прочно вошло в практику, разработаны соответствующие методики, произошло их творческое приспособление к задачам криминалистики, особенно при комплексном характере применения данных специальных наук».¹⁸

Между этими точками зрения на объектно-предметную область отечественной криминалистики (криминалистика — техническая дисциплина, частично юридическая и юридическая в целом) есть нечто общее: они неверно отражают представление о содержании криминалистики, чрезмерно сужая или расширяя представления о ее структуре и системе в целом. Первая и вторая основываются на недооценке творческого характера приспособления научных данных из разных специальных наук, что не позволяет отнести их к методам криминалистики, формирующим в силу их познавательной направленности (уголовное судопроизводство) ее юридическую сторону. Третья основывается на переоценке юридического значения криминалистики, создавая у определенной части криминалистов впечатление, что криминалистика якобы может если не заменить юридические науки, то уж существенно их дополнить, занявшись изучением вопросов, традиционно относимых к предметам этих наук. При этом почему-то упускается из виду, что отечественная криминалистика, начав формироваться в уголовно-процессуальном праве, могла претендовать на самостоятельное место в системе юридических наук только в том случае, если бы не дублировала их. Отнесение криминалистики к юридическим наукам не отменяет наличия специфического предмета исследования, который имеется у всякой

¹⁴ Синтез — от греческого *synthesis* — соединение, сочетание. Синтетический — сводный, объединенный, обобщенный (Локшина С. М. Краткий словарь иностранных слов. М., 1966. С. 283).

¹⁵ *Криминалистика* / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999. С. 71.

¹⁶ Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. С. 168.

¹⁷ Под природой понимается «основное свойство, сущность» (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1990. С. 596).

¹⁸ *Криминалистика* / под ред. А. Н. Васильева. С. 13–14.

самостоятельной науки. Ведь уголовно-процессуальное право, являясь проводником уголовного права, не занимается исследованием вопросов, относящихся к его предмету. Почему же криминалистика, выполняя ту же функцию по отношению к этим наукам, должна дублировать их?

Наконец, нельзя же при исследовании столь значимого для криминалистики вопроса бросаться из одной крайности в другую, как это делает Р. С. Белкин, «смущая умы» криминалистов очередными «новеллами». ¹⁹ Так, вначале он убеждал всю юридическую научную общественность в том, что «связь криминалистики с естественными науками — физикой, химией и т. д. — носит частный и локальный характер. Ни одна из них не может рассматриваться в качестве “материнской” науки, породившей и питающей криминалистику. Напротив, доказательственное право, следственная и судебная практика, а также правовые науки — основная питательная среда для криминалистики». ²⁰ А затем у него формируется иное представление о криминалистике как синтетической по своей природе науке, поскольку в криминалистике накопилось много знаний из области естественных и технических наук. Эти «инородные» знания стали органическими составляющими криминалистики, что не позволяет отнести ее к сугубо юридической науке. ²¹ И далее отмечает: «Следует говорить не об адаптации, приспособлении криминалистикой данных других наук, а о сплаве этих знаний в рамках предмета и содержания криминалистики... Констатация подобных процессов в криминалистике служит достаточным основанием для изменения взглядов на ее природу. Признание интегральной природы криминалистики может вызвать вопрос о ее месте в системе научного знания, поскольку в традиционной классификации наук (естественные, технические, общественные) отсутствует специальное звено междисциплинарных, интегральных областей научного знания». ²²

По существу это признание научной несостоятельности своей предыдущей точки зрения по данному вопросу и справедливости многих критических замечаний в ее адрес. ²³ При этом замена одной из важнейших функций криминалистики, традиционно и правильно выражаемой понятием «творческое приспособление данных других наук», на функцию, определяемую как «сплав знаний в рамках предмета криминалистики» для обозначения синтетической природы криминалистики, ничего не меняет по существу. *Синтетический характер криминалистики и его юридическая составляющая должны не противопоставляться друг другу, а преломляться в сущностном понимании этой науки.* Что же касается сожаления Р. С. Белкина по поводу отсутствия в традиционной классификации наук специального звена для междисциплинарных интегральных наук, что может якобы привести к пересмотру места

¹⁹ Материалы 8-й (внеочередной) международной научно-практической конференции в Санкт-Петербурге (напр.: Калужна О. М. Все ли объекты и весь ли предмет криминалистического познания лежат в сфере правовых явлений: сравнение с наукой уголовного права // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика. СПб., 2012. С. 51–57; Смахтин Е. В. Некоторые аспекты развития научных взглядов на природу криминалистики // Там же. С. 103–110; и др.).

²⁰ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд. М., 1973. С. 31.

²¹ Белкин Р. С. О природе криминалистической науки // Труды Академии МВД РФ. М., 1996. С. 5–13.

²² Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. С. 168–169.

²³ См., напр.: Васильев А. Н. Следственная тактика. С. 11–13; и др.

криминалистики в системе научного знания, то можно напомнить, что еще в 1968 г. П. Е. Недбайло совершенно правильно и обоснованно отнес криминологию к категории специальных юридических наук, таких как, например, криминология, по признаку их места на стыках юридических наук и наук общественных, естественных, технических.²⁴ «Криминология представляет собой синтезированную науку, которая должна познать законы асоциального поведения человека, без чего невозможна ни эффективная профилактика преступлений, ни исправление преступников, — пишет И. С. Ной. — Эта наука должна включать в себя социологию, право, психологию, патопсихологию, психиатрию, генетику».²⁵ Однако столь широкий список «инородных» наук, синтезированных в криминологию, не привел к ее исключению из числа юридических наук. Отчего же с криминологией, наукой, также направленной на достижение юридических целей посредством решения задач уголовного судопроизводства, ситуация должна быть другой?

В связи с этим уместно привести справедливое мнение Е. В. Смахтина, которое к тому же демонстрирует некий «застой», «топтание на месте», отсутствие прогресса в теоретических исследованиях отечественных криминалистов, продолжающееся уже на протяжении нескольких десятков лет. «В ходе научного исследования объектов познания юридических наук уголовно-правового цикла неточности в формулировании предмета криминологического научного исследования являются методологическими ошибками и в последующем приводят к поверхностному изложению криминологически значимых признаков преступной деятельности. В свою очередь, такие результаты остаются не востребованы практикой, так как ведут к аналогичным результатам, например, при описании алгоритма деятельности следователя на уровне частной криминологической методики. Интегративный характер криминологии не означает возможности необоснованного «вторжения» в предметные сферы других юридических наук уголовно-правового цикла. Необходима дифференциация знаний при изучении общих объектов познания».²⁶

Все сказанное уже неоднократно отмечалось в юридической литературе и вот теперь, на новом витке криминологической истории, повторяется вновь, являясь предметом исследования научных симпозиумов и конференций.²⁷ Не вдаваясь в подробный анализ сложившейся ситуации (а необходимость в нем очевидна), можно с уверенностью утверждать, что такими причинами являются чрезмерное увлечение «голыми» теоретическими изысками в ущерб практической целесообразности развития отечественной криминологии, преобладание «личных интересов» и амбиций над интересами науки, односторонний характер криминологических исследований, когда популярная позиция принимается за основу, а все другие точки зрения попросту игнорируются как несуществующие. В результате созданная основоположниками отечественной криминологии под углом зрения решения практических задач расследования преступлений система и структура науки, апробированная

²⁴ Недбайло П. Е. Предмет марксистско-ленинской теории государства и права // Правоведение. 1968. № 3. С. 23–32.

²⁵ Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 221.

²⁶ Смахтин Е. В. Некоторые аспекты развития научных взглядов на природу криминологии. С. 107–108.

²⁷ См., напр.: *Материалы 8-й (внеочередной) международной научно-практической конференции.*

и подтвержденная практикой расследования, под предлогом «системного совершенствования криминалистических знаний» необоснованно перестраивается, но предлагаемые взамен различные конструкции криминалистики вообще нельзя признать хоть сколько-нибудь отвечающими требованиям практики расследования преступлений и теоретическим основам науки.²⁸

Новый импульс в исследовании теоретико-методологических основ криминалистики обусловлен модернизацией правового строя России на основе использования опыта западных стран и в первую очередь США. Результатом проводимых реформ явилось принятие нового УПК РФ, существенно изменившего привычные для социалистического периода представления юристов об отечественном уголовном судопроизводстве в целом. Российский уголовный процесс «большую часть XX в. идентифицировался как социалистический уголовный процесс особого советского типа и был эталоном для значительной части стран»²⁹ с четко выраженной ориентацией на установление материальной истины. «Для английского судопроизводства (равно как и для американского) характерны... господство прецедента над статутом, состязательная процедура (в споре рождается истина), приоритет процессуального права над материальным, широкая диспозитивность (практика ведения переговоров с целью достижения значимого правового результата — заявления или сделки о признании вины)».³⁰

К значимым изменениям в духе судопроизводства США следует отнести закрепление в ст. 15 УПК РФ конституционного принципа состязательности и равноправия сторон при отправлении уголовного судопроизводства и изменения роли суда в ходе судебного следствия, отсутствие в УПК РФ прямого отражения принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, который ранее был закреплен в ст. 20 УПК РСФСР, а также особого порядка судебного разбирательства, глава 40 которого (ст. 314–317) предусматривает особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, а глава 40¹ — особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Можно утверждать, что для криминалистики, как и для уголовно-процессуального права, обозначенные нововведения имеют первостепенное значение. Это объясняется тем, что все криминалистические средства, методы и приемы разрабатываются (приспосабливаются) и применяются на практике на основе общих положений уголовного процесса, таких как сущность доказательств и доказывания, пределы доказывания, относимость и допустимость доказательств, а также принципов и правил оценки достоверности, значения доказательств и т. п. В определенном смысле уголовный процесс является основным «заказчиком» криминалистической науки,

²⁸ См., напр.: *Филитов А. Г.* 1) Проблемы криминалистики. Избр. статьи. М., 2007. С. 183–219; 2) О криминалистической стратегии как самостоятельном разделе науки криминалистики // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика. СПб., 2012. С. 130–133; *Комаров И. М.* Структура и функции частной теории криминалистических операций в досудебном производстве // Там же. С. 58–64; *Ялышев С. А.* О необходимости изменения структуры и содержания криминалистики // Там же. С. 165–169; и др.

²⁹ *Стойко Н. Г.* Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., 2006. С. 12.

³⁰ Там же. С. 13.

средства, методы и приемы которой направлены на достижение целей уголовного судопроизводства.

С позиций уголовного судопроизводства обозначенные изменения оцениваются неоднозначно.³¹ Причины этих реформ, их содержание и цели достаточно подробно исследуются в соответствующей уголовно-процессуальной литературе.³² В контексте же исследуемых в настоящей работе положений и проблем важно правильно понять и определить размеры и степень влияния данных уголовно-процессуальных реформ как на криминалистику в целом, так и на криминалистическую тактику в частности.

В настоящее время все большую популярность среди криминалистов приобретают исследования, связанные с принципом состязательности и равноправия сторон при отправлении уголовного судопроизводства.³³ Основываясь на неоднозначных уголовно-процессуальных позициях состязательного процесса, таких, например, как понимание «пассивной роли суда», С. А. Ялышев приходит к ошибочному мнению, что «криминалистика должна в равной мере и комплексно изучать и исследовать оба этих вида деятельности (деятельность как стороны обвинения, так и стороны защиты)». Так как «сторона защиты явно обделена вниманием со стороны криминалистической науки, практически все ее рекомендации ориентированы на деятельность стороны обвинения». И далее: «Если мы нацелены на осуществление правосудия в стране, как конечную и главную задачу криминалистической науки, на действительную реализацию провозглашенных принципов состязательности и равноправия, то необходимо говорить о том, что криминалистика должна обеспечивать своей продукцией не только сторону обвинения, но и сторону защиты средствами и методами эффективной реализации поставленных задач, но только на основе и в рамках действующего закона».³⁴

Если представить криминалистику, решающую обозначенные С. А. Ялышевым задачи, то это будет не отечественная криминалистика, а совсем другая дисциплина, представляющая подобие некоего практического пособия для стороны обвинения и защиты. Российская криминалистика не изучает и не исследует деятельность ни стороны обвинения, ни стороны защиты, как, впрочем, и деятельность следователя или еще какого-либо профессионального участника судопроизводства. Ее рекомендации ориентированы на всех профессиональных участников процесса, а не только на сторону обвинения. Более того, она не должна изучать деятельность упомянутых выше участников. Для этого существуют уголовно-процессуальное право, внутриведомственные акты, приказы, инструкции, дополняемые отраслевыми дисциплинами, которые исследуют деятельность профессиональных участников под разным

³¹ См., напр.: *Уголовный процесс России* / под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2004. С. 56–58, 98–103; *Новиков С. А.* «Я виновен»: Доказательственное значение собственного признания вины в современном уголовном процессе России // *Правоведение*. 2009. № 1. С. 141–157; *Глухов Д. В.* Особый порядок судебного разбирательства — дифференцированная форма общего порядка // Там же. С. 158–166; и др.

³² См., напр.: *Стойко Н. Г.* Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем; *Стойко Н. Г., Никитин Г. А.* Уголовный процесс в США: Защита личных прав и свобод. СПб., 2006.

³³ См., напр.: *Баев О. Я.* Проблемы криминалистики и уголовного процесса (статьи разных лет). Воронеж, 2006. С. 90–95, 102–110; *Ялышев С. А.* О необходимости изменения структуры и содержания криминалистики. С. 165; и др.

³⁴ *Ялышев С. А.* О необходимости изменения структуры и содержания криминалистики. С. 166.

углом зрения и разрабатывают на этой основе рекомендации для эффективной деятельности защитника, прокурора (государственного обвинителя), судьи, следователя (дознателя), подобно, например, НОТ следователя.³⁵ Криминалистика разрабатывает свои рекомендации для полного, всестороннего и объективного познания обстоятельств происшедшего события в целях эффективного его расследования в рамках уголовного судопроизводства, что не вяжется с функцией и задачами защитника. Поэтому упомянутые С. А. Ялышевым профессиональные участники уголовного процесса для квалифицированного выполнения своих функций в дополнение к указанным источникам могут, как и все профессиональные участники, обратиться к положениям криминалистики. Криминалистика не должна заниматься исследованием вопросов, ответы на которые можно получить в иных дисциплинах. Ее предмет образуют только такие положения, исследованием которых с указанной целью не занимается ни одна юридическая наука.

Правосудие как конечная и главная задача составляет прерогативу уголовно-процессуального права, а не криминалистики, свидетельством чего являются проводимые в стране реформы уголовно-процессуального законодательства, а не криминалистики. Более того, действительная реализация провозглашенных в законе принципов состязательности и равноправия сторон зависит не от криминалистики, как полагает С. А. Ялышев, а от уровня регламентации, обоснованной научными исследованиями в уголовно-процессуальной сфере деятельности. Криминалистические рекомендации могут при определенных обстоятельствах оказать опосредованное влияние в ту или иную сторону на профессиональную деятельность, например, адвоката, в зависимости от того, использовал он в своей работе рекомендации криминалистики или пренебрег ими. Но это уже дело конкретного специалиста в процессе, а не криминалистической науки. Кроме того, реализация принципов состязательности и равноправия сторон еще не гарантирует качественного правосудия. «В США также существовало заметное разочарование в состязательном методе, — пишет Н. Г. Стойко, — что во многом было связано с признававшимся многими учеными неблагоприятным воздействием на состязательность все большего значения сделки о признании вины», что указывало на необходимость реформирования континентально-европейской системы правосудия по образу и подобию французского института «следственного судьи с характерным для него “не состязательным” подходом к судопроизводству». Эффективность и надежность французской системы судопроизводства в том, что оно «представляет собой исследование истины, а не инсценированную схватку пристрастных сторон».³⁶

С. А. Ялышев далее приводит рассмотренное ранее определение предмета отечественной криминалистики Р. С. Белкина как науки о закономерностях механизма преступления и пишет: «Продолжая развивать мысль, высказанную классиком российской криминалистики, необходимо приходим к выводу, что, исследуя и познавая механизм преступления, мы пытаемся оптимизировать и повысить эффективность всех других видов деятельности, связанных неразрывно с процессом реализации

³⁵ См., напр.: Михайлов А. И., Соя-Серко Л. А., Соловьев А. Б. Научная организация труда следователя. М., 1974.

³⁶ Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. С. 15.

уголовного преследования».³⁷ «Таким образом без революционных преобразований в структуре криминалистической науки и учебного курса представляется возможным реализовать все выдвинутые предложения».³⁸ Однако, используя для обоснования своих новелл определение классика российской криминалистики, С. А. Ялышев почему-то не вспомнил другого высказывания Р. С. Белкина, имеющего непосредственное отношение к затронутой автором теме. «Нет, на мой взгляд, никакой “криминалистики защиты”, как нет и “криминалистики обвинения”. А есть использование положений криминалистики защитником и обвинителем... Нет и криминалистики для следователей или для экспертов. В криминалистике могут быть адресные рекомендации, рассчитанные на этих пользователей, но они не образуют какой-то специфической части или отрасли криминалистической науки».³⁹ Так, посредством правовых реформ вносятся ничем не обоснованные предложения, разрушающие существующую систему и структуру отечественной криминалистики, искусственно расширяются пределы ее предметной области, уводя развитие криминалистической науки от правильного, узко специализированного практического и в определенном смысле прагматического направления.

В то же время необходимо сказать, что в силу обозначенной выше связи криминалистики с уголовно-процессуальным правом и уголовно-процессуальным законом развитие и состояние криминалистической науки в зависимости от правовых реформ может существенно меняться в ту или иную сторону. Определяется это, в первую очередь, целями и задачами проводимых правовых реформ. Можно разрабатывать и создавать самые лучшие и современные научно-технические средства, тактические приемы, методические рекомендации, но их применение в уголовном судопроизводстве окажется малоэффективным или даже бесполезным, если само уголовно-процессуальное законодательство несовершенно или его цели перестали совпадать с целями криминалистической науки.

Целевое использование средств, методов и приемов криминалистики было четко обозначено еще ее основателем Г. Гроссом. «Формальное доказательство со слов двух свидетелей может дать лишь “формальную” истину; мы можем составить себе известное представление о происшедшем и на этом успокоиться, но материальной истины мы не имеем и наша совесть не должна молчать, хотя бы мы услышали такие показания десяти свидетелей».⁴⁰ С тех пор целью уголовно-процессуального познания с помощью криминалистических средств является полное, всестороннее и объективное установление и объяснение всех обстоятельств произошедшего события, имеющего признаки уголовного преступления. Для этого криминалистической тактикой разработаны такие общие тактические приемы, как планирование расследования преступлений, криминалистическая версия, криминалистический анализ показаний и др.⁴¹ А методики расследования отдельных видов преступлений

³⁷ Там же. С. 167.

³⁸ Там же. С. 169.

³⁹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 87.

⁴⁰ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М., 2002. С. XI.

⁴¹ См., напр.: Васильев А. Н. 1) Следственная тактика. С. 45–185; 2) Тактика отдельных следственных действий. М., 1981. С. 10–104; Величкин С. А. Организация расследования преступлений. Л., 1985; и др.

разрабатываются и формируются с учетом таких важнейших понятий, как «способ совершения преступления», «механизм преступления», «криминалистическая характеристика преступления» и др.⁴² Имея первостепенное значение для познания в полной мере сути происшедшего события, эти положения и средства ни уголовным, ни уголовно-процессуальным правом не исследуются и не разрабатываются, не регламентируются и нормами права. Вот почему следует признать обоснованной тревогу В. З. Лукашевича в связи с отсутствием в ныне действующем УПК РФ общего принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела,⁴³ в соответствии с которым криминалистикой разрабатываются средства, методы и приемы познания. Он «является необходимым способом установления объективной истины по уголовным делам, т. е. изобличения и справедливого наказания виновного в совершении преступления и оправдания невиновного, без чего осуществление правосудия просто невозможно... В УПК РФ термин “истина” вообще не упоминается прямо ни в одной статье, хотя осуществление правосудия только судом вообще невозможно без установления истины».⁴⁴

Отсутствие прямого закрепления столь значимого для уголовного судопроизводства принципа расследования, с одной стороны, и ориентация правовых реформ на состязательность и равноправие сторон, с другой стороны, и порождают предложения, сутью которых является создание деструктивных моделей развития отечественной криминалистики⁴⁵ либо формирование какой-то самостоятельной криминалистической деятельности и криминалистических отношений.⁴⁶

Между тем анализ уголовного судопроизводства США и России свидетельствует, что ни тот, ни другой уголовный процесс не могут существовать без поиска истины, обретаемой в результате объективного, полного и всестороннего расследования уголовного дела. «Считается, что если суд и стороны пользуются общими строгими правилами и критериями доказывания, действуя в пользу истины (и справедливости), — пишут Н. Г. Стойко и Г. А. Никитин, — а суд к тому же еще и следит за их соблюдением (как в ходе разбирательства, так и до него, осуществляя судебный контроль и обеспечивая принцип “равенства исходных возможностей”), то и результат будет истинным».⁴⁷ «...отчетливо видно, — пишет В. З. Лукашевич, — что принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела фактически полностью действует применительно к деятельности должностных лиц органов дознания, следствия, прокуратуры и суда и по новому УПК РФ, хотя прямой текстуальной формулировки этого принципа в УПК РФ не имеется. Понятно, что применительно к лицам, осуществляющим защиту подозреваемого и обвиняемого, этот принцип не действовал раньше и не действует в настоящее время, так как защита должна собирать только оправдывающие или смягчающие

⁴² См., напр.: *Васильев А. Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. С. 35–57; и др.

⁴³ *Уголовный процесс России: Общая часть* / под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2004. С. 98–99.

⁴⁴ Там же. С. 99.

⁴⁵ См., напр.: *Ялышев С. А.* О необходимости изменения структуры и содержания криминалистики. С. 165; *Филиппов А. Г.* О криминалистической стратегии как самостоятельном разделе науки криминалистики. С. 130–133; и др.

⁴⁶ См., напр.: *Смахтин Е. В.* Некоторые аспекты развития научных взглядов на природу криминалистики. С. 109; и др.

⁴⁷ *Стойко Н. Г., Никитин Г. А.* Уголовный процесс в США. С. 14.

вину обстоятельства и не имеет права устанавливать уличающие или отягчающие обстоятельства».⁴⁸

Сказанное в полной мере свидетельствует о том, что принцип состязательности и равноправия сторон не только не исключает, но и с неизбежностью предполагает наличие в уголовном судопроизводстве принципа полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела. Следовательно, и развитие системы и структуры отечественной криминалистики в общем плане должно идти в прежнем направлении.

Статья поступила в редакцию 30 декабря 2013 г.

⁴⁸ Уголовный процесс России. Общая часть / под ред. В. З. Лукашевича. С. 58.